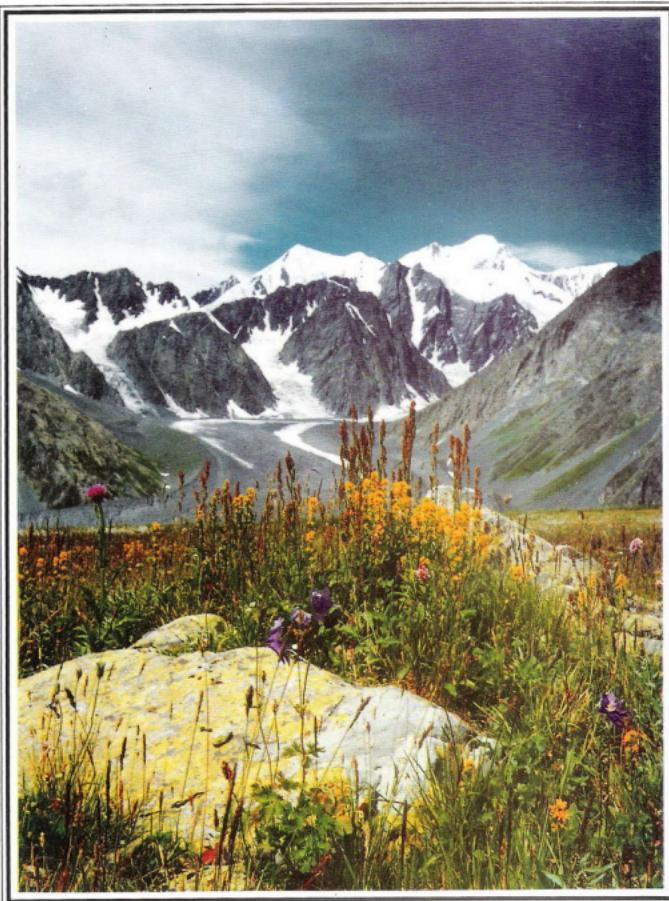

ДЕЛЬФИС

- УЧЕНИЕ ХРАМА • ЛЕГЕНДА О ГРАФЕ СЕН-ЖЕРМЕНЕ •
 - АДЕПТЫ, МАСТЕРА И МАХАТМЫ •
 - СКАЗАНИЕ О СЕМИ РАСАХ А.Н.СКРЯБИНА •
 - ДИАЛОГ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР •
- КОСМИЧЕСКАЯ ЙОГА • ФРАКТАЛЬНАЯ ВСЕЛЕННАЯ •
 - ЭПОХА СОФИЙНОГО МЫСЛЕТВОРЧЕСТВА •

РОЗА ЭФРОССА, ИЛИ «ЧУДЕСА МАСТЕРА»

О.В.Румянцева

Однажды (это было более пятнадцати лет назад) в дверь только что созданного в Музее Востока мемориального кабинета Н.К.Рериха постучали. Вошли два молодых человека, которые рассказали мне о своем желании создать большой цикл работ в технике эмальерной миниатюры на тему «Русь и Восток». Соединяющей Русь и Восток фигурой мыслился Николай Рерих. Его портрет должен был стать центральным в задуманной серии.

Художники представились — это были Леонид Эфросс и Алексей Максимов, работавшие тогда вместе. В их манере двигаться и излагать свои мысли сквозило изящество на нашу дней, какая-то утонченность ушедших эпох... Оба говорили негромко и буквально светились интеллигентностью.

Леонид и Алексей показали мне свои работы. Это были портреты декабристов, писателей и поэтов XIX века, поразительно напоминающие старинные миниатюры, и рассказали, сколько усилий ими было потрачено на восстановление старых, забытых методов работы с эмалью. Среди показанных ими работ был и портрет прекрасной дамы, нашей современницы, о красоте которой оба художника говорили в самом «высоком штиле» и как истинные рыцари не называли ее имени. Техника эмальерного портрета потребовала поистине жертвенного труда — за двенадцать часов работы покрывалась поверхность не более спичечной головки.

Рассказывали, как они решили проверить качество результатов своего творчества — пришли в известный большой музей в Москве и показали один из своих портретов. Эксперты определили — XVIII век. Смотрели через лупу. Когда художники признались, что это их работа, сначала никто им не поверил, а потом сотрудники музея сбежались посмотреть на это чудо.

За портрет Николая Рериха взялся Леонид. Вместе с Алексеем они несколько дней просматривали моем архиве фотографии Рериха, портреты разных времен. Отобрали те, которые могли пригодиться им для работы. Сидели в кабинете долго, беседовали о разном, и мне казалось, что они почему-то хотят узнать многое и обо мне. До сих пор не понимаю, зачем. Я чувствовала себя как перед рентгеновским аппаратом, но какая-то сила заставила меня быть откровенным «до донышка».

Несколько раз приходил Леонид, говорили обо всем, только не о Рерихе. Потом надолго пропал. Больше чем через полгода раздался стук в дверь. На пороге стоял какой-то человек с длинной бородой и короткой стрижкой. Знакомый голос спросил: «Ольга Владимировна, Вы меня не узнаете?» Это был Лени Эфросс, но без своих волнистых волос до плеч. Как он мне объяснил, ему никак не давался рериховский портрет, и он понял, что должен в него воплотиться, понять его изнутри, приняв его облик.

Л.Эфросс. Н.К.Рерих (миниатюра, эмаль)

Л.Эфросс и О.В.Румянцева в мемориальном кабинете Н.К.Рериха
Государственного музея искусств народов Востока

Через год после первого визита портрет был готов. Он был хорош! Глаза Николая Рериха хранили великую тайну бытия, им постигнутую и частично отданную людям. Мистическая сторона личности великого Мастера была дана тактично и в дозволенной пропорции. Портрет был углублен в прекрасную струту рамы, выточенную из светлого самшита одним из знакомых Леонида, мастером резьбы по дереву.

Леонид сказал, что идея серии «Русь и Восток» угласла, и что он хотел бы, чтобы портрет остался в музее, в кабинете Н.К.Рериха. Он хочет его продать. Я обрадовалась, но мне предстояло пропустить портрет через «все крути ада» закупочных комиссий. Эксперты оценили его очень высоко, а потому и в денежном выражении цена была фантастической. Все документы были готовы, нужна только подпись — согласие художника. Я радостно сообщила о нашей победе Леониду по телефону и попросила его приехать подписать закупочный акт...

В ответ на это Леонид спросил: «Можно мне завтра прийти к вам в музей?» Я удивилась и сказала, что, конечно, можно. На другой день — это было под новый, 1980 год — Леонид пришел и сказал буквально следующее: «Ольга Владимировна, извините меня за то, что я доставил Вам столько беспокойства с хлопотами о закупке. Я не хочу продавать портрет. Я дарю его музею. Я здесь очень много получил, это не измерить деньгами. Просто мне хотелось, чтобы мою работу оценили официально, так как очень часто считают, что художники дарят свои неудавшиеся, слабые работы».

Я была потрясена, не находила слов для благодарности. Этот дар (кстати, первый дар мемориальному кабинету Рериха) я восприняла как чудо. И еще интересная деталь: это было 30 декабря. Много лет спустя я обратила внимание, что число 3 и 30, как производное от трех, как-то мистически связано с наследием Рерихов, много событий уже в наши дни происходило третьего или тридцатого числа. Дар Эфросса — прекрасное совпадение?

С тех пор портрет находится в музейной витрине в мемориальном кабинете Рериха и постоянно вызывает восхищение посетителей. Только однажды он ненадолго покинул музей — я передала его на персональную выставку работ Леонида Эфросса и Алексея Максимова в Оружейную палату Кремля, которая проходила в 1991 году.

• В Лондоне. Л. Эфрос рисует королеву Великобритании Елизавету II
• Портрет Ее Высочества

Кстати, это была первая выставка современных художников в залах Кремлевского музея.

Наше общение с Леонидом на этом не кончилось. Время от времени — раз в два-три года он появлялся всегда неожиданно, без звонка, расспрашивал о моей жизни, рассказывал о себе. Судьба развела его с Алексеем Максимовым. Леонид после женитьбы на известной художнице уехал в Петербург, Алексей также покинул Москву.

Однажды Леонид, по своей хорошей привычке, как с неба свалился — пришел, рассказал о своей жизни, спросил о моей и вдруг спросил: «Ольга Владимировна, как Вы думаете, если я захочу написать портреты королевской семьи в Великобритании, что-нибудь из этого выйдет?» Я принесла «попускать его на землю» — языка не знает, денег нет, добиться, чтобы официально послали государственным путем — нереально. На том и кончились разговор на эту тему. Каково же было мое удивление, когда год спустя я услышала по радио (это было в «Маяке») о русском художнике Леониде Эфроссе, который в Лондоне пишет портреты королевы и ее семьи. Я была за него бесконечно рада и ждала нового поведения с рассказом, как все получилось.

Леонид не заставил себя ждать. Рассказ его был фантастически прекрасен и невероятен, хотя реален до последнего слова. Мне особенно понравилось, что Леонид в процессе своей работы подружился с королевой-матерью, часами гулял с ней по парку Букингемского дворца. Все портреты были написаны маслом, по технике эмалей. Леонид уже давно отказался — это было слишком большой нагрузкой для глаз.

Самое интересное — он все портреты подарил королеве, затем заказал в России очень дорогие рамы и отоспал их в Лондон — также в дар. Когда королева Елизавета на своей яхте прибыла в Петербург и устроила там прием для узкого круга официальных лиц, Леонид был не только среди приглашенных, но и удостоился особого внимания. Ее Величество — едва его увидев, подошла к нему и долго беседовала с ним.

Но это еще не все чудеса Лени Эфросса, о которых мне известно. Снова начнуло: «однажды...» Это было летом прошлого года. Опять совершенно неожиданно ко мне в кабинет Периха вошел Леонид. Он был в белоснежном костюме, белой рубашке с белых ботинках, как артист, который должен сейчас выйти на сцену. В одной руке он держал темно-красную розу на длинном стебле, в другой — журнал «Bazaar», в котором оказалась прекрасная статья «Двойной портрет в

интерьере» с рассказом о том, как Леонид Эфрос писал свои портреты в Англии, о приеме на королевской яхте, с цветными репродукциями его работ и фотографии, где Леонид сидел у мольберта с еще чистым холстом, а перед ним в кресле спокойно позировала сама королева Елизавета.

Прочитав статью, я была поражена тем, что автор увидел в Леониде Эфроссе... демона! То есть положительную, как писал критик, демоническую созидательную возможность, которая двигает миром, согласно греческой мифологии.

Я не согласна с таким двусмысленным определением таланта этого удивительного мастера, и все же автор статьи, так же, как и я, почтевшая в нем нечто необычное, неординарное, даже сверхъестественное, то есть то самое, что я всегда ощущала при наших встречах.

Итак, Леонид принес мне журнал и розу. Я пришла домой, поставила розу в вазу, обрезав лишние листья и сделав надрезы вдоль стебля. Но роза не захотела раскрыться, увяла дни через три полураскрытой. Только два боковых стебля с несколькими большими листьями оставались зелеными. У меня есть, может быть, странная привычка — менять воду цветам, пока есть хоть один живой лист или цветок в увядшем букете. Так было и на этот раз. Каково же было мое удивление, когда недели через две от одного из стеблей с листьями вылез свежий светло-зеленыйросток. Постепенно на нем раскрывались листики, от них в сторону — небольшие ростки, снова маленькие листочки. Когда веточка вытянулась сантиметров на двадцать, я заметила, что последний листок какой-то странный, словно утолщенный. На минуту мелькнула мысль, что это — бутон. Не может быть!

Прошло еще несколько дней. На листике появились темные продольные трещинки, которые становились все шире и постепенно светели. Это был, действительно, бутон розы! Возникло сожаление, что раскрыться-то он, конечно, не сможет в воде, сиа не хватит...

Через неделю, это был уже сентябрь, полностью раскрылась до последнего лепестка очаровательная светло-красная роза, светле своей матери, и цвела полтора месяца. Она увяла пятнадцатого октября, а цветок был принесен еще летом!

Но что самое удивительное — вся ветка розы пережила осеню как в саду: пожелтели большие листья розы-матери, стали золотыми, опали. Затем посветлели маленькие листья новой розы — розы-дочери, и стали цельными веточками по два-три листика опадать и засыхать на столе, оставаясь светло-зелеными. Вот и еще одно чудо Эфросса!

Я сфотографировала розу, рассказала Леониду обо всем по телефону. Он тут же примчался в музей. «Как же Вы мне не показали эту розу?» — «Да, как-то не сообразила. Но вот фотография — это Вам на память и обо мне, и о розе». Это было незадолго до Нового, 1997 года. Леонид принес бутылку шампанского и огромную коробку конфет с изображенной на ней корзиной, наполненной красными гвоздиками. Давая ее мне, сказал, как бы извиняясь (он всегда приходил с цветами): «Это — вместо букета. Я понял, что после этой розы я не могу принести Вам какие-то другие цветы». В этом был весь Эфрос!

